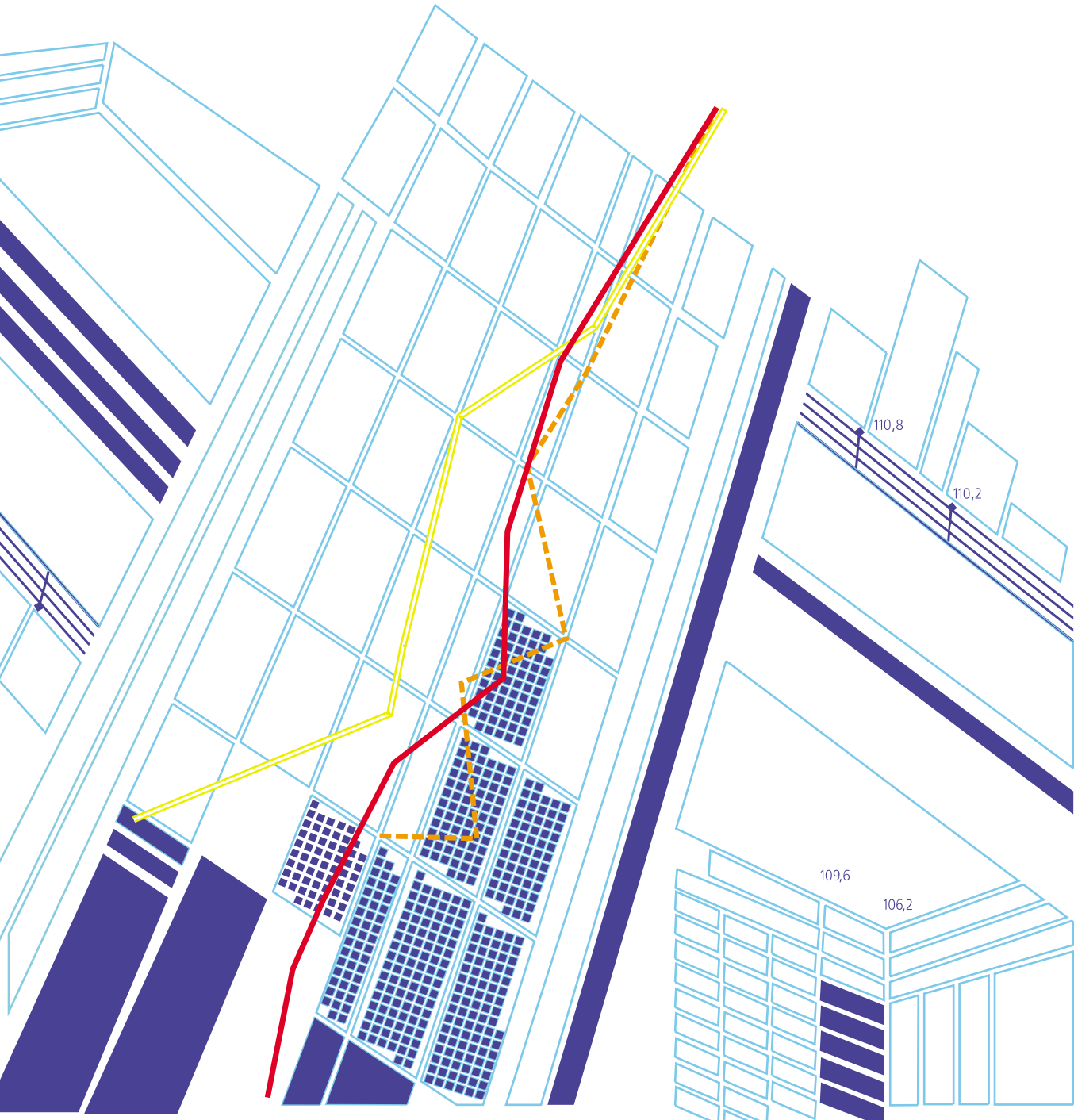
ISSN 2306-5001

ноябрь–декабрь
том 21 • 2014

№11

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Том 21. № 11
Ноябрь-декабрь 2014 г.

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

Volume 21. № 11
November-December 2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ведев Алексей Леонидович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией финансовых исследований Научного направления «Макроэкономика и финансы», директор Центра структурных исследований Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дробышевский Сергей Михайлович – доктор экономических наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Золотарева Анна Борисовна – кандидат юридических наук, заведующий лабораторией экспертизы законодательства Института прикладных экономических исследований РАНХиГС

Кадочников Павел Анатольевич – кандидат экономических наук, проректор Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ

Радыгин Александр Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института прикладных экономических исследований РАНХиГС

Стародубровская Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: http://www.edrussia.ru

Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара»
Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21, факс: +7 (495) 697-88-16

Использованы данные Росстата, Межгосударственного статистического комитета СНГ, НИА «Юниверс», Департамента информации ЦБ РФ, СИ ММВБ

© «Экономическое развитие России», 2014
Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 гг.
Сергей Дробышевский, Мария Казакова 3

Государственный бюджет. Татьяна Тищенко 8

Инфляция и денежно-кредитная политика. Александра Божечкова 14

Реальный сектор экономики: факторы и тенденции. Ольга Изряднова 20

Внешняя торговля. Надежда Воловик 25

Влияние торгово-политических санкций на внешнеэкономический сектор России. Александр Пахомов 29

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Российская промышленность в сентябре 2014 г. Сергей Цухло 35

Хозяйственное обозрение. Сергей Аукуционек, Андрей Егоров 37

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Последствия ограничений на импорт свинины в 2014 г. и перспективы импортозамещения для отечественного свиноводства. Наталия Карлова 45

ФИНАНСЫ

Банковский сектор. Михаил Хромов 50

Финансовые рынки. Никита Андриевский, Елизавета Худько 56

Различия в поведении внутренних и иностранных частных инвесторов на российском фондовом рынке. Александр Абрамов 62

Ипотека. Григорий Задонский 68

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Миграционные процессы в январе–сентябре 2014 г. Лилия Карачурина 73

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Предстоящие перемены в системе стратегического планирования.
Виталий Цымбал 78

SUMMARY 82

Макроэкономика

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ТЕМПОВ РОСТА ВВП РОССИИ В 1999–2014 гг.

Сергей ДРОБЫШЕВСКИЙ, д-р экон. наук
Мария КАЗАКОВА, канд. экон. наук

Институтом экономической политики им. Е.Т. Гайдара разработана методика декомпозиции темпов роста российского ВВП на структурную, внешнеторговую и конъюнктурную составляющие, основанная на алгоритме разложения макроэкономических показателей развитых стран (ОЭСР), доработанном с учетом специфики российской экономики, которая заключается в высокой зависимости от внешнеторговых условий (динамики мировых цен на нефть).

Согласно результатам расчетов, проведенных на основе данной методики, можно выделить несколько фаз экономического роста в России в период с 1999 по 2014 гг.: восстановительный рост (1999–2000 гг.); рост за счет увеличения инвестиций и загрузки капитала (2001–2003 гг.), а также благоприятных условий торговли (2004–2008 гг.); перегрев и экономический кризис (2008–2009 гг.) и последующая за ним новая, более низкая фаза бизнес-цикла (2010–2014 гг.).

В настоящее время в российском экспертном сообществе активно обсуждается вопрос, насколько экономика России приблизилась к пределу своих производственных возможностей и, соответственно, будут ли эффективны в нынешней ситуации предлагаемые меры стимулирования экономического роста, включающие мероприятия в рамках бюджетной и денежно-кредитной политики[1].

Существует мнение, что прежняя модель экономического роста, основанная на благоприятной конъюнктуре мировых цен на энергоносители и предполагающая рост за счет стимулирования внутреннего спроса, исчерпала свои возможности[2]. Хотя уровень нефтяных цен в настоящее время остается относительно высоким (начав, впрочем, в последнее время достаточно интенсивно падать), однако он уже не дает столь значительной прибавки к темпу роста ВВП России, как это было в 2000–2007 гг. Высокие цены на нефть лишь смягчили падение российской экономики в период мирового кризиса 2008–2009 гг.[3], а сейчас позволяют сохранить темп экономического роста на уровне незначительно выше нуля[4].

Разложение темпов экономического роста на различные компоненты, в том числе обусловленные внешнеэкономической конъюнктурой, представляет собой трудоемкую задачу. Предлагаемая нами методика основана на методологии разложения макроэкономиче-

[1] См., в частности: Дробышевский С., Кадочников П., Синельников-Мурылев С. Некоторые вопросы денежной и курсовой политики в России в 2000–2006 годах и на ближайшую перспективу // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 26–45; Улюкаев А., Кадочников П., Трунин П. Взаимосвязь фискальной и денежно-кредитной политики (анализ альтернативных способов управления средствами СФ РФ) // Экономическая политика. 2008. № 1. С. 29–38; Кнобель А. Риски бюджетной политики в странах, богатых природными ресурсами // Экономическая политика. 2011. № 5. С. 29–38.

[2] Мау В.А. Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 4–23.

[3] Мау В.А. Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 4–25.

[4] Замараев Б.А., Киюцевская А.М., Назарова А.Г., Суханов Е.Ю. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 4–34.

ских показателей на структурную, внешнеторговую и конъюнктурную (деловые циклы и случайные шоки) составляющие, применяющейся в развитых странах (ОЭСР) и доработанной с учетом специфики российской экономики. Эта специфика заключается в высокой степени ее зависимости от условий внешней торговли, аппроксимирующихся при помощи динамики мировых цен на нефть.

В соответствии с логикой наших расчетов первым этапом разложения темпа роста ВВП на компоненты является выделение его структурной составляющей, основанное на методике, применяющейся в этих целях странами ОЭСР.

Структурная составляющая экономического показателя представляет собой его фундаментальную часть. Наиболее важным признаком структурной составляющей является ее медленное изменение во времени. В противоположность структурной составляющей ставится конъюнктурная составляющая, которая определяется текущей ситуацией на рынке и, соответственно, быстро изменяется.

Одним из наиболее частых примеров выделения структурной составляющей макроэкономического показателя является оценка потенциального (структурного) ВВП (а также разрыва в выпуске – output gap), который, согласно одному из существующих определений, представляет собой максимальный уровень выпуска при полном использовании всех факторов производства и нормальном уровне загрузки мощностей (60–65%). Отметим, что в рамках нашей методики разложения термины «структурный» и «потенциальный» будут использоваться как синонимы ввиду различных вариантов трактовки понятия потенциального ВВП.

Для оценки совокупной факторной производительности (СФП), потенциального (структурного) ВВП и разрыва в выпуске экономическим департаментом ОЭСР применяется метод производственной функции[5], который позволяет оценить величину потенциального ВВП путем выделения вклада факторов производства в темпы экономического роста. В основе этого метода лежит лог-линейное уравнение ВВП, затрат труда, капитала и совокупной факторной производительности (1)[6]:

$$\Delta \ln(Y_t) = \Delta \ln(E_t) + \alpha \Delta \ln(K_t) + (1-\alpha)\Delta \ln(L_t), \quad (1)$$

где Y – фактический объем ВВП;

K – фактический объем капитала;

L – фактический объем труда;

E – СФП;

α – эластичность затрат капитала по выпуску (предполагается постоянная отдача от масштаба, т.е. $\alpha = 0{,}3$, а $1 - \alpha = 0{,}7$[7]).

При наличии оценки средней доли труда и капитала в ВВП (коэффициенты при логарифмах переменных затрат труда и капитала) рассчитывается СФП, которая в дальнейшем сглаживается при помощи фильтра Ходрика–Прескотта в целях получения трендовой, или «потенциальной», факторной производительности. Затем последняя снова подставляется в производственную функцию наряду с фактическим запасом капитала и оцененным «потенциальным» объемом труда (на основе полученного ранее уровня безработицы NAIRU), откуда находится темп роста ВВП, который и считается потенциальным.

Полученная описанным выше способом структурная составляющая темпов роста российского ВВП была сглажена при помощи фильтра Ходрика–Прескотта в целях устране-

[5] Giorno C., Richardson P., Roseveare D. and van der Noord P. Estimating Potential Output, Output Gaps and Structural Budget Balances // Economics Department Working Papers. 1995. No. 152. OECD.

[6] В целях наших расчетов данная функция выражена в приростах логарифмов, т.е. в темпах роста.

[7] В расчетах нами используются полученные ранее эмпирическим путем для развитых стран оценки эластичностей затрат труда и капитала, не противоречащие данным российской статистики (подробнее см.: Бессонов В.А. О динамике совокупной факторной производительности в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2004. № 4. С. 542–587).

ния колебаний, экономическая интерпретация которых вызывает затруднения.

Вторым этапом разложения темпов роста ВВП России является выделение их ***внешнеторговой составляющей***, объясняемой условиями торговли, в частности динамикой мировых цен на нефть.

Теоретическое обоснование гипотезы о влиянии прироста и уровня цены на нефть на темп роста ВВП включает механизм влияния нефтяных цен на темпы экономического роста в долгосрочном (коинтеграционное соотношение) и краткосрочном (модель коррекции ошибок)[8] периодах, а также анализ поведения домохозяйств с точки зрения изменения их склонности к сбережению и потреблению при временном и постоянном увеличении их дохода (микроэкономический уровень).

Зависимость уровня ВВП от уровня нефтяных цен может быть описана при помощи инвестиционного механизма в рамках модели Солоу, который заключается в следующем: улучшение условий торговли вызывает трансферт дохода, который инвестируется, что, соответственно, приводит к наращиванию объема капитала и росту ВВП. Таким образом, в долгосрочном периоде наблюдается зависимость между уровнем ВВП и уровнем цен на нефть (или, что эквивалентно, между приростом ВВП и цен на нефть).

Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого в работе периода мы наблюдаем рост уровня мировых цен на нефть и, соответственно, переходную динамику между различными состояниями экономики, характеризующимися разными темпами роста ВВП. То есть мы будет наблюдать зависимость между уровнем мировых цен на нефть и темпами изменения (а не уровнем) ВВП, которая может быть оценена при помощи коинтеграционного соотношения и модели коррекции ошибок[9].

Эта зависимость может усиливаться механизмом реагирования экономических агентов на изменения получаемого ими дохода. Логика анализа последствий временного и постоянного увеличения дохода соответствует гипотезе перманентного дохода, предложенной М. Фридманом в 1957 г.[10]. Согласно ей при неожиданном росте дохода индивид считает это временным явлением и значительную часть такого увеличения сберегает, а не тратит на текущее потребление. Если в последующем доход остается на высоком уровне, индивид адаптируется (привыкает) к этому уровню и начинает больше потреблять, а норма сбережения при этом уменьшается. Следовательно, склонность к потреблению при временном увеличении дохода является невысокой.

Применительно к усилению вышеописанного механизма изменения дохода это означает, что экономические агенты приспосабливаются к новым уровням цен на нефть, поскольку не верят, что более высокий уровень цен будет носить долгосрочный (перманентный) характер[11].

В данной модели логика оценки последствий изменения цен на нефть анализируется в относительных терминах – иными словами, имеет значение то, каким был стартовый уровень нефтяных цен до его роста/снижения, т.е. эффект масштаба изменения цены на нефть. Таким образом, для выделения внешнеторговой составляющей прироста ВВП, обусловленной отклонением фактической цены на нефть

[8] Подробнее см.: Казакова М., Синельников-Мурылев С. Конъюнктура мирового рынка энергоносителей и темпы экономического роста в России // Экономическая политика. 2009. № 5. С. 118–135.

[9] Казакова М.В. Вклад нефтегазового сектора в динамику экономических показателей в России и в мировой практике // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 8. С. 66–72.

[10] Friedman, M. A Theory of the Consumption Function. Princeton. NJ: Princeton University Press, 1957. Ch. 2, 3.

[11] Подробнее см.: Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37.

от ее среднемноголетнего уровня (т.е. условиями торговли), целесообразно оценить зависимость между «остатками» после вычитания из фактического структурного прироста ВВП (темпы роста ВВП, не объясняемые динамикой фундаментальных факторов) – ΔY_t^{resid} и соотношением между фактической и среднемноголетней ценами:

$$\Delta Y_t^{resid} = \gamma_0 + \gamma_1 \frac{p_oil_t}{p_oil_t} + \tau_t. \qquad (2)$$

Оценка уравнения (2) позволяет выделить прирост ВВП, обусловленный условиями торговли, с учетом масштаба отклонения фактической цены на нефть от среднемноголетней. Внешнеторговая компонента темпов роста ВВП, объясняемая благоприятными условиями торговли, оценивается как теоретическое значение объясняемой переменной из описанной выше регрессии (2) (т.е. как теоретическое значение разницы между фактическим и структурным темпом роста ВВП при фактическом соотношении текущей и среднемноголетней цены на нефть).

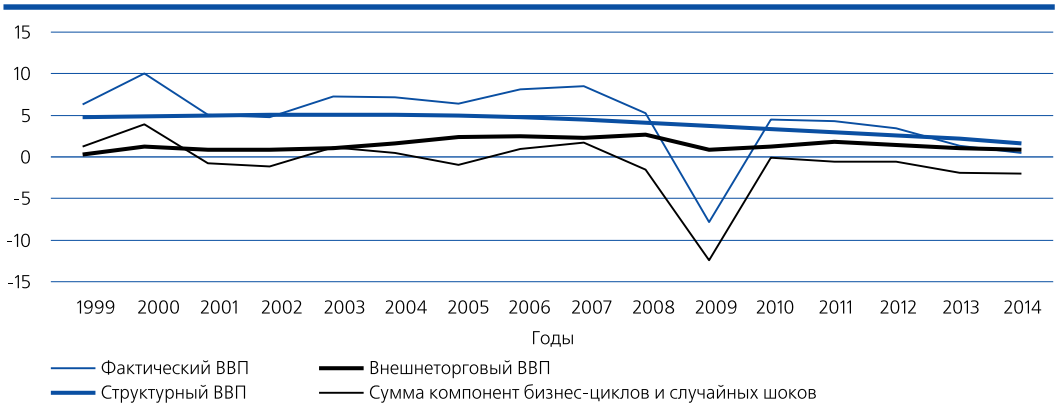
Последним этапом разложения темпа роста ВВП на составляющие является выделение его ***конъюнктурной составляющей***, включающей компоненту бизнес-цикла в сумме со случайными шоками. Данная составляющая может интерпретироваться как «остатки» уравнения (2), полученные после вычитания из фактического темпа роста ВВП его структурной и внешнеторговой составляющих.

В итоге фактический, структурный и внешнеторговый темп роста российского ВВП, а также его конъюнктурная компонента (т.е. сумма компонент бизнес-циклов и случайных шоков), рассчитанная как «остатки» регрессии (2), выглядят так, как это представлено на рис. 1.

Полученное нами разложение темпов роста ВВП на составляющие позволило провести оценку разрыва выпуска ВВП России, т.е. отклонения текущего объема ВВП от полученного на основании описанной методики структурного ВВП, который, как показано выше, при некоторых условиях может считаться потенциальным. (См. рис. 2.)

Как видно из рис. 1, в 2012–2014 гг. российская экономика перешла в нижнюю фазу цикла после перегрева и, соответственно, конъюнктурная компонента ушла в отрицательную область. Совокупные темпы экономического

Рис. 1. Фактический, структурный и внешнеторговый темп роста ВВП, а также конъюнктурная компонента темпа роста ВВП (или сумма компонент бизнес-цикла и шоков) в 1999–2014 гг., в % к предыдущему году

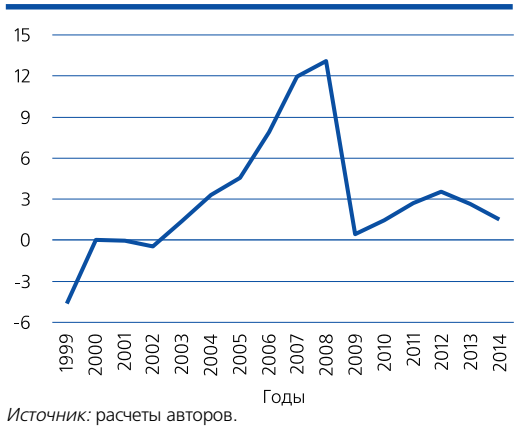

Источник: Росстат, расчеты авторов.

роста близки к нулю, поскольку отрицательная конъюнктурная компонента компенсируется положительной внешнеторговой.

В то же время в период с 2010 по 2014 гг. при отрицательной конъюнктурной компоненте темпов экономического роста разрыв в выпуске – положительный и составляет порядка 2–3% за счет того, что уровень фактического ВВП превышает структурный. (См. рис. 2.) Тем не менее при этом перегрева в экономике, как можно ожидать, не наблюдается, поскольку темпы роста фактического ВВП меньше структурных: при высоких нефтяных ценах факторы производства используются на 100% и роста их объема не наблюдается[12]. ■

Рис. 2. Разрыв в выпуске российской экономики в 1999–2014 гг., в %

Источник: расчеты авторов.

[12] Более подробно методика декомпозиции темпов роста российского ВВП, а также интерпретация полученных нами результатов приведены в: Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7–37, а также на сайте http://iep.ru/ru/publikatcii/7125/publication.html

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

Татьяна ТИЩЕНКО, канд. экон. наук

По данным Федерального казначейства, за январь-сентябрь 2014 г. доходы федерального бюджета выросли относительно соответствующего периода предыдущего года на 0,8 п.п. ВВП. Нефтегазовые доходы федерального бюджета увеличились за рассматриваемый период на 0,6 п.п. ВВП, а ненефтегазовые – на 0,2 п.п. ВВП. Расходы федерального бюджета сократились при этом на 0,2 п.п. ВВП. По результатам исполнения федерального бюджета за январь–сентябрь 2014 г. был зафиксирован профицит федерального бюджета в размере 2,2% ВВП.

Несмотря на прогнозируемое дальнейшее снижение мировых цен на нефть до 80 долл./барр., Правительство РФ не планирует вносить изменения в проект федерального бюджета на 2015 г. и 2016–2017 гг., который в настоящее время рассматривается в Государственной Думе.

Анализ основных параметров исполнения федерального бюджета за январь–сентябрь 2014 г.

За январь–сентябрь 2014 г. доходы федерального бюджета составили 10 697,7 млрд. руб., или 20,4% ВВП, что на 0,8 п.п. ВВП оказалось выше, чем за соответствующий период предыдущего года. Нефтегазовые доходы составили при этом 10,4% ВВП, на 0,6 п.п. ВВП превысив показатель за первые девять месяцев 2013 г.; одновременно до 10,0% ВВП выросли и ненефтегазовые доходы, на 0,2 п.п. ВВП увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 3013 г. Расходы федерального бюджета за январь–сентябрь 2014 г. выразились значением в 9585,3 млрд. руб. (18,2% ВВП), что оказалось на 0,2 п.п. ВВП ниже, чем за аналогичный временной отрезок предыдущего года.

По итогам исследуемого периода федеральный бюджет исполнен с профицитом в

Таблица 1
Основные параметры исполнения федерального бюджета РФ в январе–сентябре 2013 и 2014 гг.

	Январь-сентябрь 2014 г.		Январь-сентябрь 2013 г.		Отклонение, п.п. ВВП
	млрд. руб.	% ВВП	млрд. руб.	% ВВП	
Доходы	10 697,7	20,4	9603,5	19,6	0,8
в том числе:					
Нефтегазовые	5494,7	10,4	4774,2	9,8	0,6
Ненефтегазовые	5203,0	10,0	4829,3	9,8	0,2
Расходы	9585,3	18,2	9010,3	18,4	-0,2
в том числе:					
Процентные	341,4	0,6	300,0	0,6	0,0
Непроцентные	9243,9	17,6	8710,3	17,8	-0,2
Профицит (+) / Дефицит (-)	1112,4	2,2	593,2	1,2	1,0
Ненефтегазовый профицит (+) / дефицит (-)	-4382,3	-8,3	-4181,0	-8,5	0,2
Справочно: оценка ВВП, млрд. руб.	*52 540*		*48 869*		

Источник: Минфин России, Федеральное казначейство, расчеты Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.